

LEVI STRAUSS & CO

АЛЕКСАНДР ТРОФИМОВ

Александр Трофимов

Levi Strauss & Co

«Автор»

2026

Трофимов А.

Levi Strauss & Co / А. Трофимов — «Автор», 2026

Москва, 1992 год. Инженер Аристарх Холмогоров продаёт нажитое годами, чтобы осуществить давнюю мечту. Но в эпоху, где воздух пропитан иллюзиями, слишком легко принять мираж за реальность.

© Трофимов А., 2026

© Автор, 2026

Александр Трофимов

Levi Strauss & Co

Levi Strauss & Co

Стояло промозглое утро октября 1992 года - того самого октября, когда страна, еще не решив окончательно, жива она или нет, продолжала по инерции дышать, торговать и приспособливаться к хаосу перемен.

«Рижский рынок» гудел, как растревоженный улей, из которого вынули матку и забыли сказать пчёлам. С тех пор как Гайдар в январе отпустил цены на волю - примерно с той же сердечностью, с какой выпускают кошку в форточку в январскую ночь, Москва превратилась в один сплошной базар. Торговали везде: у метро, на тротуарах, прямо из картонных коробок, с газеток, с капотов. Торговали шоколадками «Сникерс» по двести двадцать рублей, цена, сопоставимая с недельной продуктовой корзиной государственного служащего, водкой «Распутин» сомнительного происхождения, ваучерами Чубайса - хрустящими бумажками, которым надлежало превратить каждого гражданина в капиталиста, а превратившими большинство из них в ничто.

Аристарх Петрович Холмогоров - сорока восьми лет, инженер-технолог с двадцатилетним стажем на оборонном заводе, обладатель брюшка умеренного, лысины прогрессирующей и совести незапятнанной - стоял посреди этого вавилонского столпотворения и смотрел на «Волгу».

Автомобиль был прекрасен той особой, советской красотой, которая не нуждается в эпитетах: ГАЗ-24, цвет «белая ночь», резина новая, хром начищен. Хозяин - небритый мужчина в кожаной куртке, просил восемнадцать тысяч, и Аристарх Петрович прекрасно понимал: это грабёж. Но другой «Волги» не было. Других денег тоже.

Портфель он прижимал к боку с той особенной, затаившей дыхание бережностью, какая свойственна лишь отцу, впервые выносящему из кремовых стен роддома драгоценный сверток с новорожденным. Внутри этого потертого кожаного саквояжа, под газетой «Вечерняя Москва», покоилась сумма чрезвычайной значимости - одиннадцать тысяч рублей.

Сумма, собранная не столько кропотливым трудом, сколько хирургической ампутацией собственного быта. Завод разом вывалил на него заработок за три глухих, долгих месяца. Затем пришлось отсечь от сердца лоскут земли в Малаховке - шесть соток с небольшим дачным домиком. Вслед за участком канул в вечность сервис «Мадонна» - гордость покойной тётки, фарфоровые барышни с ангельскими личиками и непропорционально пухлыми ляжками. Он простился с ними без особой скорби, не без злорадства подумав, что даже сия фарфоровая Венера с её вечным сахарным прищуром служит нынче великой цели.

А вот, когда очередь дошла до картонных конвертов с чёрными кругляшами внутри, сердце Аристарха Петровича дало сбой. Коллекция грампластинок уходила под гул рынка, как полк дворянской кавалерии под картечь. Бетховен, Шостакович, ранний Высоцкий. Всё это легло на тяжёлый, залитый вчерашним дождём алтарь автомобильной мечты. Одиннадцать тысяч рублей. Цена, в которую обошёлся прижизненный переезд всей прежней вселенной в один портфель из свиной кожи.

- Одиннадцать, - произнёс Аристарх таким голосом, словно он признавался в чём-то постыдном. Глаза при этом смотрели не на продавца, а куда-то вбок, на рыжие веснушки ржавчины капота соседнего «Москвича», словно искали там моральной поддержки.

Продавец - матёрый человечиче с шеей борова и немигающим взглядом даже бровью не повёл. Уголок его рта лишь слегка дёрнулся в презрительной судороге.

- Семнадцать пятьсот.

Это было сказано не торгуясь, а констатируя закон всемирного тяготения. Аристарх переступил с ноги на ногу, чувствуя, как драгоценный портфель оттягивает руку жалким грузом собранных по сусекам крох. Он попытался изобразить на лице презрение к товару, но вышла лишь кислая гримаса человека, у которого внезапно заболел зуб.

- У меня только одиннадцать, - повторил он, и в голосе против воли прорезалась просительная нота, уже проигрышная.

- Тогда только метро, - философски подвёл итог продавец.

Аристарх почувствовал себя не покупателем мечты, а просителем в очереди за казённой похлёбкой. Вздохнув, он уже разворачивался, чтобы уйти, когда услышал голос.

Голос был негромкий, бархатный, такой голос, каким опытный доктор сообщает пациенту, что тот, в общем-то, здоров, но следует кое-что обсудить. Голос источал уверенность в завтрашнем дне - редчайший товар того времени.

- Простите великодушно, - произнёс голос, - но мы с коллегой не могли не заметить вашего... экспертного интереса к этому почтенному экипажу.

Аристарх обернулся.

Человек был лет сорока, среднего роста, с лицом, настолько располагающим к доверию, что это само по себе должно было насторожить. Плащ - явно финский, в таких плащах ходили люди, причастные к заграничным командировкам или к чему-то еще более завидному. Галстук повязан узлом «Виндзор», что в 1992 году означало примерно то же, что орден Почётного легиона.

Рядом с ним стояла женщина.

Аристарх Петрович был инженером и умел читать чертежи. Чертёж этой дамы был выполнен с безупречной точностью: каштановые волосы уложены в высокую причёску, которую в народе называли «вавилон» и которая требовала не менее сорока минут перед зеркалом. Серьги - золото, настоящее, взгляд - прямой, открытый, излучающий такую безупречную честность, что Аристарх Петрович немедленно вспомнил партийных инструкторов, умевших смотреть вот так же, пока несли полнейшую ахинею.

- Позвольте, - продолжал мужчина, протягивая руку с маникюром, - Эдуард. Просто Эдуард. А это Маргарита Львовна, наш финансовый директор.

- Холмогоров, - буркнул Аристарх и всё же пожал руку. Рукопожатие было твёрдым, деловым, без лишних сантиментов. - Аристарх Петрович.

- Имя - как у поэта, - улыбнулась Маргарита Львовна голосом, которым гладят кошек.

- Скорее, как у инженера, - сухо ответил он.

Эдуард засмеялся - точно в меру, не более двух секунд - и перешёл к делу:

- Аристарх Петрович, зачем вам этот металлолом? Смотрите: резина - прошлогодняя, карбюратор, ручаюсь, плакал, и просит он с вас столько, что за эти деньги можно купить полторы «Волги». - Он сделал паузу, позволяя словам осесть на дно сознания, как осадок в графине. - У нас послезавтра распределение экспортной партии. ГАЗ-24. Цвет «антрацит», велюровый салон, пробег заводской - ноль. Такие машины шли на Финляндию, понимаете? На экспорт. Качество сборки - небо и земля. И самое главное, это госцена. Самая роскошная версия со встроенной магнитолой обойдется вам в двенадцать пятьсот. Если без музыки, можно уложиться и в одиннадцать.

- Без музыки, - выдохнул Аристарх и тут же осёкся, ужаснувшись собственной прыти. - Музыка - это лишнее, совершенно лишнее...

Сердце его предательски сбилось с размеренного шага на галоп. Тот самый, знакомый до дрожи сердечный ритм, когда здравый смысл, этот старый брюзга с вечным «нет», уныло отходит в угол, уступая место бесшабашному юнцу по имени «а вдруг». Юнец уже приплясывал где-то в районе солнечного сплетения.

- Кооператив «Звезда», - продолжил Эдуард. - Зарегистрированы в июле девяностого, работаем официально, все документы в порядке. Если угодно, могу показать устав.

- Не надо устав, - сказал Аристарх, хотя надо было сказать: надо.

- Давайте поступим так, - Маргарита Львовна мягко вступила в разговор, как опытный дирижёр берёт управление оркестром, едва взмахнув палочкой. - Сегодня вечером мы подъедем к вам с предварительным ордером, обсудим детали. Вам удобно часов в семь?

Она произнесла это с такой непринуждённой уверенностью, что отказать казалось почти невежливым - словно отклонить приглашение на чай от давней знакомой.

- Можем и у нас в офисе, - добавила она задумчиво, чуть склонив голову к плечу, и на мгновение в её облике проступила усталая мягкость матери, а не деловая хватка предпринимательницы. - Но тогда только через два дня. Завтра и послезавтра я с ребёнком дома. Она бросила короткий взгляд на Эдуарда - быстрый, почти незаметный. Тот окинул её внимательным взглядом, чуть приподнял бровь, а затем снисходительно кивнул. В этом жесте читалась не просто поддержка, а молчаливое одобрение старшего по положению.

- Да, семь часов сегодня будет оптимально, - подтвердил Эдуард ровным, уверенным тоном, каким обычно подводят итог совещанию. - К тому же, Аристарх Петрович, вам так будет удобнее: не придётся никуда ехать, терять время. А мы всё привезём с собой - и ордер, и расчёты, и даже образец договора. Всё, чтобы вы могли принять взвешенное решение.

Аристарх Петрович потом долго думал: почему он согласился? Может быть, потому что октябрь был холодным, а жизнь - ненадёжной. Может быть, потому что «антрацит» с велюровым салоном звучал значительно лучше, чем облупленная «белая ночь». А может быть просто потому, что человеку в сорок восемь лет очень хочется верить: бывает на свете настоящая удача, а не только очереди, задержки зарплаты и талоны, за которые уже ничего не купишь.

- В семь. - Он бросил короткий взгляд на часы. - Плющиха, дом шестнадцать, квартира тридцать два.

- Плющиха? Так мы еще и почти соседи,- улыбнулся Эдуард.

* * * * *

Плющиха встречала вечер равнодушно.

Район этот - старая Москва, переулки, дворы-колодцы, липы, которым по сто лет, - в девяносто втором году пребывал в состоянии задумчивости. Кооперативные ларьки уже проросли у каждого угла, как грибы после дождя; с одного торговали пивом «Балтика» и чипсами «Принглс», с другого - порнографическими журналами в пакетах, с третьего - всем сразу. Аристарх Петрович подходил к своему дому, когда увидел, что напротив его подъезда, перекрыв собой дорогу, стояла «Тойота Кресиды» - автомобиль в то время примерно столь же редкий на московских улицах, как белый носорог в Останкинском парке. Капот был поднят. Из-под капота торчал человек.

Точнее - не просто человек, а явление.

Когда он выпрямился и повернулся, Аристарх Петрович невольно сделал шаг назад. Перед ним стоял офицер военно-морского флота - во всяком случае, всё на это указывало: белоснежный китель с золотыми шевронами капитана второго ранга, фуражка с «крабом» - кокардой, начищенной так, что в ней можно было видеть отражение собственной растерянности, - и лицо, которое, по всем законам жанра, должно было смотреть с бюста в морском музее.

Квадратный подбородок. Обветренная кожа. Прямой, как горизонт, взгляд серых глаз.

- Тысяча чертей! - произнёс капитан голосом, каким отдают приказы на мостике в шторм. - Сударь, не окажете ли вы мне услугу? Шкив заклинило намертво, а мне через час быть в штабе флота на Арбате. Совещание, будь оно неладно...

- Я, собственно, не слишком сведущ в японских... - начал было Аристарх, осторожно подбирая слова.

- Да никто в них не сведущ, - мрачно согласился капитан, хмуро разглядывая упрямый механизм. - Всю жизнь по атлантическим широтам ходил, а тут какая-то японская диковинка... Словно из другого мира.

В следующий миг у подъезда мягко притормозила «Волга» - проехать прямо ей было решительно невозможно. Из машины стремительно выскочил уже знакомый Аристарху Эдуард - и вся сцена вдруг обрела смысл, словно последний фрагмент мозаики лёг на своё место.

- Ого! - воскликнул он с неподдельным восхищением, приподнимая шляпу. - Какие гости в наших скромных пенатах!

Он живо осведомился, в чём суть затруднения. Капитан, не скрывая отчаяния, описал характерные признаки поломки - с точностью морского офицера, докладывающего о пробоеине.

- Маргарита Львовна, - обернулся Эдуард к спутнице, всё еще сидевшей в машине, - будьте так любезны, подайте из бардачка ключ на двенадцать.

- Разбираетесь? - уточнил с искренней надеждой моряк.

- В японских моторах? - Эдуард закатал рукав, обнажая крепкое запястье с массивными часами. - Три года проработал в совместном предприятии с «Тойотой». Пустяки, сударь. Всего лишь ремень генератора. Через пять минут всё будет в порядке. Капитан достал из кармана платок, белоснежный, как его китель, и тщательно вытер несуществующую грязь с рук.

- Семёнов, - представился он Аристарху, пожимая руку. - Виктор Алексеевич. Ходил на «Варяге», потом на «Маршале Устинове». Сейчас, - он слегка поморщился, - советник при штабе. Переходный период, знаете ли.

«Переходный период» - это выражение в девяносто втором году означало всё что угодно: от почётной отставки до полной катастрофы. Аристарх понимающе кивнул.

- Вы здесь живете? - капитан мотнул подбородком в сторону подъезда как раз в тот миг, когда тойотовский мотор издал утробное, довольное урчание, докладывая всем заинтересованным сторонам, что с ним, в отличие от державы, всё в совершеннейшем порядке.

- Двадцать лет как, - ответил Аристарх.

- Судьба, - удовлетворённо кивнул Семёнов. - Слушайте, а не подняться ли нам к вам? У меня есть «Арагат» армянский, настоящий - еще в восемьдесят восьмом взял ящик в Ереване. Нервы сегодня... - Он неопределённо покрутил пальцами в воздухе. - Такие штормы без балласта не переживают.

В этот самый миг Эдуард с металлическим лязгом захлопнул капот тойоты - звук вышел сочным, окончательным, точно точка в конце абзаца. Но куда красноречивее звука оказался взгляд, которым он одарил капитана. Глаза Эдуарда, еще секунду назад тусклые и равнодушные ко всему, что не касалось подкапотного пространства «японки», вдруг зажглись тем особым, почти детским огнём, какой способно высечь лишь упоминание хорошего коньяка в обществе человека, явно знающего в нём толк.

Аристарх хотел сказать «нет», но капитан смотрел так, как смотрят люди, привыкшие к тому, что им не отказывают.

- Поднимайтесь, - сказал Аристарх Петрович. - Все поднимайтесь.

По лицу Маргариты Львовны, точно тень от облака по воде, скользнула гримаса тихого, почти обречённого неодобрения - на лбу собралась тонкая складка, уголки губ дрогнули в преддверии протеста. Было заметно, что идея совместного возлияния явно не вызвала в её душе ни малейшего отклика, скорее - глухое раздражение классной учительницы, заставшей учеников за картами. Но вековой инстинкт женщины, приученной не перечить мужчине и гостям, взял верх над личными предпочтениями. Она промолчала, лишь суше, чем следовало, кивнула, пряча возражение в складках шали.

* * * * *

В квартире Аристарха Петровича пахло библиотекой и старым паркетом. Из мебели здесь было: диван «Мягкий уют» производства Пензенского комбината, книжные полки от пола до потолка - Толстой, Чехов, БСЭ в полном составе, Ефремов, Стругацкие, - стол письменный с зелёной лампой и телевизор «Рекорд», который включался только после лёгкого удара по левому боку.

Капитан Семёнов достал из своего саквояжа - тёмно-коричневый кожаный баул с медными застёжками - бутылку и поставил её на стол с той торжественностью, с какой флагман занимает своё место в ордере.

- За знакомство, - объявил он.

- За знакомство, - согласился Аристарх.

Маргарита Львовна от коньяка воздержалась - «за рулём». Капитан пригубил символически. Разговор потёк легко, как бывает, когда правильно расставлены декорации. Говорили о ценах - они в октябре скакали, как молодые кони, - о ваучерах Чубайса, которые скупали за бесценок у растерянных граждан ловкие люди с портфелями, о том, что доллар стоит уже четыреста рублей и непонятно, что будет дальше.

- Всё будет хорошо, - сказал капитан с той уверенностью, которая присуща людям, никогда не занимавшимся экономикой.

- Непременно, - подтвердил Эдуард.

Через двадцать минут капитан поднялся:

- Служба. Благодарю за гостеприимство. Маргарита Львовна, Эдуард - вы золотые люди, выручили старого морского волка. Аристарх Петрович - честь имею.

Он щёлкнул каблуками - по-флотски, чётко - и ушёл.

В комнате повисла тишина на три секунды.

- Кстати, самое главное, - Эдуард, достал из внутреннего кармана блокнот с кожаным переплётом. - «Антрацит» с велюровым салоном сейчас как раз должен зайти на таможенную. Процедура займёт несколько дней, но мы всё проконтролируем. У нас там свои люди, так что без проволочек.

Он листал страницы блокнота, отыскивая нужную запись.

- Видите ли, - продолжил Эдуард, подняв глаза, - сейчас самое время. На следующей неделе ожидается повышение пошлин, а мы успеваем по старым тарифам. К тому же у нас есть возможность провести её как «образец для промышленного осмотра» - это даст существенную экономию.

Маргарита Львовна кивнула, подтверждая слова Эдуарда, а затем достала из сумочки аккуратно сложенный лист бумаги:

- Вот, взгляните, - Маргарита Львовна развернула перед Аристархом копию ордера с тем особым, чуть театральным жестом, каким предъявляют верительные грамоты. Документ был отпечатан на бумаге добротной, почти сливочной на ощупь, с печатями, не вызывавшими ни малейшего сомнения в своей подлинности - синие оттиски лежали ровно, жирно, без следа кустарной торопливости. - Видите? Всё официально. Нужно лишь дождаться завершения таможенных процедур.

Аристарх Петрович невольно сглотнул. Горло пересохло, как у абитуриента перед списками зачисленных. Мысль о собственной машине о новеньком, девственном «антраците» с велюровым чревом - эта мысль была ослепительна. Он увидел себя со стороны: плавно плывущим по Садовому, ловящим боковым зрением завистливые взгляды прохожих, чувствующим спиной не продавленный дерматин, а благородную упругость велюра. Не мелкий служащий, перебивающийся от аванса до получки, а человек, у которого, страшно выговорить, есть будущее.

- И мой вам совет, берите с музыкой, Аристарх Петрович, - произнёс Эдуард, не поднимая глаз. - Магнитола потом отдельно ставить - это ж целая эпопея. Во-первых, цена выйдет кусачая, раза в полтора против заводской. А во-вторых, и в-главных, - тут он поднял взгляд, и в нём читалась скорбь человека, выдавшего виды, - полезут в машину установщики. Со своими отвёртками, со своим разумением, со своими... кривыми руками. Оно вам надо? Чтобы потом торпеда скрипела на каждой кочке, а провода торчали, как кишки наружу? Заводская - она мать родная. Себе дороже выйдет экономить.

Холмогоров перевёл взгляд с ордера на Эдуарда, с Эдуарда - на Маргариту Львовну, и в груди его что-то сладко, тревожно и окончательно ёкнуло.

- Подумать надо. Говорите, что машина ждет таможенного оформления? - произнёс он, и собственный голос показался ему чужим - голосом человека, который уже всё решил, но еще пытается сохранить перед самим собой лицо благоразумного мужа. Он осёкся, почувствовав, что вопрос вышел не тем, каким задумывался. Не о таможене следовало спрашивать. О другом. О проклятых полторатысячах рублях, отделявших его от магнитолы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.